

Юлий Буркин

ЁЖИКИ В НОЧИ

Часть сборника
Изумрудные росы (сборник)

Юлий Буркин

Ёжики в ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153968

Эксмо;

ISBN 5-699-12604-X

Аннотация

Кто он? Спаситель, пророк, сумасшедший, часть силы, которую породил случайно? Кем бы ни был профессор Заплатин, то что он предлагает человечеству, вполне может стать его концом, хотя кому то этот конец покажется счастливым. По крайней мере на «операцию по вживлению в мозг нейростимулятора» люди соглашались добровольно, как правило зная, на что идут.

Содержание

1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ёжики в ночи

«Лес трудный, но разве есть лес, из которого нет пути?»

Из письма Н.И.Вавилова Е.И.Барулиной

Валяясь на верхней полке купе фирменного поезда, Влад отвлекся от чтения лужьяненского «Ночного дозора» и решил позвонить Кате. Просто так, поболтать. Вытащил из кобуры «Нокию», но оказалось, что здесь, вдали от крупных станций, даже нет сети. На протяжении всего европейского отрезка пути она не исчезала, независимо от того, далеко были крупные станции или близко. Но тут вам не Европа, тут, блин, Сибирь... Цивилизация...

«Впрочем, наверное, цивилизация, это не наличие или отсутствие мобильной связи, – подумал Сергей, поворачиваясь на бок и задремывая. – Будет и тут связь – не сегодня, так завтра. Цивилизация, это когда люди с противоположными взглядами находят возможным делать одно, нужное всем, дело... Находят потому, что общество устроено цивилизованно...»

Умозаключение это было финалом прежних раздумий о характере его командировки. Маленькая, но процветающая фирма «Чистота Плюс», в которой работал Влад, занималась правовым консалтингом в сфере экологии и посредничеством между теми предприятиями, которые нуждались в утилизации вредных отходов и теми, которые были готовы

взять ее на себя. Вообще-то, такие проблемы решаются на государственном уровне, но «Чистота Плюс» отлично зарекомендовала себя, и государственные структуры нередко к ней обращались.

Влад занимался этим делом по призванию: десять лет назад он окончил Бауманку, факультет экологии. А вот его шеф, Вадим, окончил военное училище, но, уволившись по здоровью из армии, не служил после учебы ни дня, а вместо этого в девяностые занимался торговлей американскими окорочками и паленой водкой. Экология его не волновала ни на грош и сейчас. «Однако, вот, поди ж ты, – думал Влад, засыпая, – работаем же как-то вместе. Не просто работаем, а на благо людей. И деньги неплохие зарабатываем, потому – все довольны... Цивилизация...»

Закрытый городок Домнинск, куда направлялся Влад, согласился взять на захоронение крупную партию радиоактивных отходов из Франции. Точнее, эту партию отходов согласилась принять у Франции наше федеральное правительство, затем объявило конкурс на подряд, и выиграл его Домнинск. А «Чистота Плюс» должна была теперь произвести все необходимые юридические формальности вплоть до подписания договора.

В принципе, Сергей был противником ввоза токсичных отходов из других стран, но, во-первых, его мнения по этому поводу никто не спрашивал, а во-вторых, он считал, что в данном конкретном случае, это меньшее из возможных зол:

пусть уж лучшие домнинские спецы утилизируют эту грязь с соблюдением всех правил безопасности, чем она, как уже не раз бывало, просочится к нам какими-либо незаконными путями, наделав массу бед. Прецеденты имелись.

О Домнинске, городе-спутнике крупного сибирского областного центра, Сергей до сей поры даже и не слышал. И это несмотря на то, что, как эколог, знал наизусть список закрытых ядерных точек – Челябинск-40, Красноярск-25, Северск, Обнинск и прочие, во многих из них бывал. Видно, этот город «рассекретили» уже совсем недавно.

Прибыв в областной центр рано утром, Сергей поймал такси, назвал по бумажке адрес бюро пропусков и уже через пятнадцать минут был там. Местечко оказалось занятым. Никакой вывески о том, что здесь находится, не было ни перед дверью в подъезд двухэтажной «хрущевки», ни перед дверью в квартиру, где бюро и располагалось. Остальные квартиры в доме были жилыми. «Скорее всего, такая конспирация – отзвук былой засекреченности объекта, – подумал Влад, – наверняка во всех квартирах дома живут семьи работников этого же самого бюро».

Он с удивлением обнаружил, что у нужной ему двери даже нет звонка и постучал. Впрочем, удивление он испытал уже тогда, когда ему открыли, и он убедился, что попал туда, куда надо. А сперва он подумал, что ему дали неверный адрес.

Открывшему ему низенькому лысому мужчине было далеко за пятьдесят.

– Вам кого? – спросил он, сонно щурясь.

– Мне нужно выписать пропуск, – отозвался Вадим удивленно.

– А-а, – кивнул человек, – тогда проходите. Мы через пятнадцать минут открываемся. Посидите пока здесь. – Он щелкнул выключателем и указал на ряд обтянутых обшарпанным дермантином стульев, стоящих вдоль стены просторной, но неудобной комнаты. – Если надо, зажгите, – добавил он, гася свет, и, скрипнув дверью, ушел в соседнюю комнату.

Свет Влад включать не стал, сел на стул и, положив на колени дипломат с документами, прикрыл глаза. Все-таки он не выспался, тем более что проводница разбудила пассажиров за два часа до станции. Глаза немного резало, и опустить веки в полутьме было приятно... Влад не заметил, как задремал, а проснулся, подскочив от щелчка, с которым распахнулось окошечко в стене. Там он увидел лицо того самого, открывшего ему, мужчины.

– Восемь, – сообщил тот, обращаясь словно бы к самому себе. – Начинаем.

Влад обнаружил, что в комнате он уже не один: на стульях сидели две помятых личности мужского пола. Он поднялся и подошел к окошечку.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил мужчина, не глядя

на него.

Влад ответил. Тот, покопавшись в пачке бумаг на столе, сообщил:

– Запрос на временный пропуск для вас есть, и он удовлетворен. Паспорт.

Влад передал в окошечко паспорт. В обмен лысый протянул ему розовый пакет.

– Ознакомьтесь пока с инструкцией на допуск, – сказал он, – и распишитесь.

Влад уже много раз читал подобные инструкции, смысл которых сводился к тому, что если в закрытой зоне он станет обладателем неких военных или государственных тайн, то он не должен их разглашать. Потому он расписался, просмотрев текст лишь мельком. Еще через пару минут лысый клерк вернул ему паспорт с вложенной в него картонкой пропуска.

– Добро пожаловать в Домнинск, – сказал он и улыбнулся одними губами. – Пригласите следующего.

Процедура проникновения в закрытый город была стандартной: предъявление пропуска женицине-дежурной, под неусыпным оком вооруженных автоматами солдат. Ее подозрительный взгляд при сличении фотографии в паспорте с живым лицом... Правда, в этот раз, впервые в такой ситуации, у Влада временно изъяли сотовый телефон, но когда он попытался возражать, ему предъявили незамечен-

ную ранее статью из подписанной им «Инструкции на допуск»: «В связи с технологической необходимостью сдать на временное хранение караульным КПП средства мобильной связи».

Спорить не приходилось. Хотя «технологическая необходимость» и показалась натяжкой. Но, уж что подписал, то подписал...

Город Домнинск произвел на Влада тягостное впечатление. Он словно попал в начало восьмидесятых. Хотя нет, тогда все эти убогие белокирпичные строения были хотя бы новыми... Сейчас же эта архитектура времен застоя навела единственный приговор: умирающий город.

Тем удивительнее было то, как быстро, без обычных бюрократических препон, удалось ему подписать все необходимые документы – и в городской Думе, и в санэпидемстанции, и в комитете по экологии, и в СМУ, которое станет непосредственным исполнителем заказа. Все это давалось легко, без проволочек, без мутных намеков на какие-то необходимые «черные» суммы.

Он просто и глазом моргнуть не успел, как задание фирмы было выполнено на девяносто процентов. На завтра осталась только одна единственная встреча – с мэром. Точнее, главой городской администрации.

«Что странно, – подумалось ему, когда он уже лежал в постели своего советско-гостиничного номера, – что я не

запомнил ни одного лица из тех, с кем беседовал. Да и разговоры были какие-то беспредметные, никого не пришлось ни в чем убеждать, никому ничего объяснять...»

Странно и то, что никто не пригласил его сегодня вечером в ресторан, чтобы «обработать» там столичного гостя на предмет каких-то личных дивидендов от предстоящего сделки. Влад никогда не велся на подобные предложения. В кабак шел, но расплачивался там сам. А шел единственно для того, чтобы развеять скуку и послушать байки.

В закрытых городах душераздирающих историй, как правило, навалом. То какой-то герой во время аварии на ядерном реакторе руками растаскивал урановые стержни, то заводской автобус пустили на городской рейс, а у кого-то из пассажиров был с собой дозиметр, и оказалось, что в салоне фон, как на складе плутония. Еще любят рассказывать про грибы в человеческий рост или про безглазых рыб-мутантов...

Да, впервые вечер первого дня командировки он проводит один, в гостинице. Впрочем, оно и хорошо. Да, кстати, было бы любопытно узнать, почему этот городок закрыт. Вроде, нет тут никаких ракетных заводов, нет и химического производства, ему бы уже об этом все уши прожужжали... Хотя, домницы вообще не грешат разговорчивостью.

Влад хотел было уже погасить свет, но, потянувшись к выключателю, краем глаза заметил, что у него из-под по-

душки торчит какой-то посторонний предмет. Угол серой картонной папки. Влад приподнял подушку, с удивлением достал потрепанную папку и открыл ее. В ней лежала стопка старых машинописных листов. Именно машинописных, а не отпечатанных на принтере.

Всё это было очень странно. Влад начал читать.

1

... Она притихла лишь тогда, когда мы миновали ворота институтской рощи, войдя в ее мокрую тьму, и двинулись мимо анатомического корпуса. Где-то неподалеку взвыла собака. Взвыла с такой ясно ощутимой тоской, что, казалось, не собака это воет, а человек пытается подражать собаке. Портфелия еще крепче прижалась к нам.

... – Форменно издиются, – в который раз сердито повторил Семенов. Самогонкой от него разило за версту, и не всегда оба глаза смотрели в одну сторону. – Про профессора худого не скажу. Ни-ни. Тут все по-человечьи: завсегда и здрасьте, и до свидания; а вот как вместе соберутся, все и начинается... Метамархоза.

– Так какая же метаморфоза, а? – еле сдерживала раздражение Портфелия.

– А с профессором мы друзья большие. Большие, говорю, друзья. Агромадные. – Зрачки Семенова окончательно расползлись по сторонам, а стрелка на шкале его настроения резко повернулась на сто восемьдесят градусов – от возмущения к умилению. – Мы ж с йим вместе без малого тридцать годков здесь трудимся. Он – профессором, а я вот, значит, сторожем. Сторожу. Это, дочка, тоже не всякий, сторожить-то, сможет. Тут особая сноровка требуется. Талант нужен. А в трудовой книжке у меня как записано? «Стрелок, –

записано. – Стрелок!» – Он выпятил грудь. Засунув руку во внутренний карман, я на ощупь выключил диктофон и потащил Портфелию за рукав:

– Пошли, что ты его слушаешь, не видишь, он пьяный в умат?

– Я думаю, если про Заплата не выйдет, я тогда про этого напишу. Зарисовку. – Она сделала «телевизионное» выражение лица: «Тридцать лет не оставляет своего поста вахтер Семенов. «Стрелок» – так называется моя профессия!» – говорит он с затаенной гордостью...» Здорово, правда? – Она, не удержавшись, фыркнула.

Нам навстречу со скамейки поднялся Джон (сторож его не интересовал):

– Айда?

Я кивнул, снова на всякий случай включил диктофон, и мы двинулись по лестнице – к операционной. На месте, где должна сидеть дежурная нянечка, никого не было, и мы беспрепятственно прошли белым коридором к двери со светящейся надписью: «Не входить! Идет операция».

Остановились.

– Ну и?.. – Повернулся ко мне Джон. Звук его голоса так чужеродно прозвучал в стерильной тишине коридора, что мне сразу захотелось уйти.

– Сегодня не я командую парадом, – ответил я полушепотом, оглянулся и понял, что Портфелия растеряна не меньше нашего. А что, собственно, она собиралась здесь увидеть?

Какого черта мы сюда приперлись? Я вдруг обозлился на нее, ведь это она нас сюда притащила. Люди работают, глаз не смыкая, за чью-то жизнь борются, а мы явились уличать их сами не знаем, в чем на основании пьяного бреда выжившего из ума вахтера.

Портфелия вдруг жалобно сказала:

– Ой, мальчики, пойдёте отсюда, а?..

Боже мой, какими же мы были детьми, кажется мне сейчас. Сейчас, когда мы с Джоном сидим в чьей-то стылой дачной избушке, забаррикадив дверь всем, что удалось здесь найти.

Нам повезло, что я не снял на ночь часы. Мы спим по очереди. По сорок пять минут. Сейчас – очередь его, а я молча пялюсь в окно, закрытое снаружи ставнями.

Как же ухитрились мы быть такими наивными, такими беспомощными? По-настоящему осознал опасность я, пожалуй, только когда сбежал Джон.

Я увидел его в больничной пижаме на своем пороге, запыхавшегося и продрогшего. И сразу сообразил, что к чему.

– Гонятся? – спросил я.

– Нет. Но скоро хватятся.

– Быстро ко мне, переоденешься!

Лёля, заспанная, сидела на диване, завернувшись в одеяло.

– Одевайся, – бросил я ей, – и поскорее. Джон сбежал.

Я открыл шкаф и кинул Джону свой спортивный костюм, а сам стал натягивать джинсы и рубашку.

Через несколько минут мы вышли в прихожую. На шум из спальни выглянула мать. Я сунул Джону свою старую куртку и, надевая плащ, как можно спокойнее сказал:

– Мама, мне уйти нужно. Будут звонить – не открывай, поняла?

– А что случилось?

– Я потом тебе все объясню, некогда сейчас. До утра не открывай никому.

Лампа на площадке, как всегда, разбита, и мы пошли осторожно, держась за перила. Вдруг снаружи раздался шум машины. Она остановилась прямо перед моим подъездом.

– Наверх! – сдавленно крикнул я, и мы вслепую побежали обратно.

Мы уже были на последней площадке, когда снизу раздался энергичный стук. Стук в мою дверь. Значит, на звонок мать, как я и предупреждал, не открыла. Молодец.

Стараясь не шуметь, мы по очереди поднялись по железной лестнице и через люк выбрались на чердак. Это трюк старый: чердак у нас никогда не закрывается, и мы еще пацанами пользовались этим, играя в «сыщики-разбойники».

Через слуховое окно выползли на крышу. Она была скользкой от первого снежка. Я крепко взял Лелю за запястье, и, ступая, чтобы не греметь, на швы кровельного железа, мы добрались до пожарной лестницы. Первым стал

спускаться Джон, за ним – Леля, последним – я.

Холодный металл переключил жег пальцы, и я очень боялся за Лелю. И еще я боялся, что мы не успеем, что нас заметят. Но все прошло на удивление гладко. Только когда лестница кончилась на высоте около трех с половиной метров от земли, Леля повисла на руках и все никак не прыгала. Испугалась, видно.

– Давай! – негромко позвал снизу Джон, – ловлю!

И она разжала пальцы.

Я, падая, поскользнулся и здорово испачкался. Джон в это время выглядывал за угол – во двор. Он обернулся и махнул нам рукой. Я не понял, что он затеял, но спорить не было времени. Мы побежали прямо к моему подъезду, и я увидел перед ним пустой милицейский «газик» с включенным двигателем. Ясно. Джон ведь отлично водит машину. Что они застряли в подъезде? Неужели ломают дверь?

Мы влезли в машину и проехали вперед – на пяточок, где можно развернуться, ведь мой дом имеет форму буквы «п», и въезд во двор один. Когда мы разворачивались, я увидел, как из подъезда выскочили два милиционера и побежали к нам.

Джон переключил скорость и выжал педаль газа. Мы неслись прямо на того из двоих, что бежал впереди. Было ясно, что инстинкт самосохранения заставит его отпрыгнуть в сторону. Но, совершенно неожиданно, он кинулся прямоком нам под колеса. Сделал он это явно не случайно – не по-

скользнулся и не оступился. Машину тряхнуло, и мне показалось, я услышал, как хрустнули кости. Но крика не было.

Леля ткнулась лицом мне в грудь и вцепилась в мои руки. Но пришлось оттолкнуть ее, чтобы открыть дверцу: я заметил, как второй – отставший – милиционер прыгнул к машине справа, и я хотел выяснить, зачем, что у него вышло. И, приоткрыв дверцу, я увидел, что он, уцепившись за крыло переднего правого колеса, волочитя по асфальту. Я увидел белое, как мел, незнакомое мне лицо. Напряженно и в то же время спокойно человек смотрел на меня. А ведь Джон выжимал в этот момент добрых девяносто километров.

Это было выше человеческих возможностей, но я уже не удивлялся ничему. Только страх шевельнулся под сердцем.

– Остановитесь! – громко, отчетливо, перекрывая шум двигателя, произнес милиционер. – Вы не сможете скрыться и лишь усугубите свою вину. Вы убили человека... Женя, если вы остановитесь, я прощу вам вашу слабость.

От неестественности происходящего комом подкатила к горлу тошнота. В этот момент Джон, не сбавляя скорость, резко свернул налево, выезжая на главную улицу города. Я чуть не вывалился из машины, а милиционера затащило под нее, и нас снова тряхнуло. Тут я уж точно услышал хруст. А крика опять не было. На моем плече навзрыд плакала Леля.

Боже мой, боже. Я смотрю на часы. Пора будить Джона, мое «дежурство» окончено.

С чего же все началось? С задания Маргаритищи? С того,

что я купил диктофон? Или еще раньше?

– Ах, Толик, Толик, – укоризненно кривила губки юная Портфелия, наблюдая за тем, как я судорожно изучаю меню, пытаюсь втиснуть в рубль более или менее сытный обед. – Разве ТАК должен питаться мужчина? Мужчина должен есть мясо. Много мяса. Очень много мяса и кучу всего остального. Понятно?

На самом деле звать ее, ни много, ни мало, Офелия. Но меня тошнит от «экзотических» имен.

– Портфелия, о нимфа, а кто же за эту кучу с мясом будет платить?

– А это – вторая половина моей ценной мысли.

– Бесценной, – поправил я.

– Верно, – благосклонно согласилась Портфелия. – Мужчина должен зарабатывать уйму денег, а не просиживать штаны за сто двадцать рэ.

Язык чесался с ней поспорить и защитить свое мужское достоинство, но против истины не попрешь. Кассирша, не глядя на поднос, отбила чек. Она уже привыкла, что мой обед всегда стоит ровно рубль.

Портфелия вообще-то – довольно милая девушка. Стройная и светловолосая. И, когда я вдруг замечаю это, я называю ее Лелей. Она сама, когда появилась в редакции, так и представилась: «Офелия. Можно – Леля. Ладно?» (Я, помнится, еще заржал тогда совершенно неприлично). Однако, заведе-

ние общепита со слоем жира на столах и густым капустным «ароматом» не самое подходящее местечко для флирта.

Вчера меня не было на работе – отпросился, чтобы съездить с Джоном на кладбище, помочь, а сегодня до обеда не было Портфелии, поэтому, похлебывая борщ, я спросил:

– Любезная содержательница деловых бумаг и гербовых печатей, – (подразумевалось, что содержатель – Портфель), – поведай мне, как продвинулось следствие по делу «Зеленая лампа»?

Нужно отдать должное ее сообразительности. «Зеленая лампа и грязный стол» – строка из песни Гребенщикова о «стороже Сергееве», а к нам на днях обратился с письменной жалобой сторож третьего корпуса Семенов.

– Я еще не ходила. Ой, слушай, а давай вместе сходим. Я одна боюсь, это же вечером нужно.

Жалоба Семенова была странной. Странной как раз потому, что ни в чем-то ином, а именно в «странности» обвинял он весь персонал клинического корпуса, упоминая попутно, что он, дескать, ветеран войны и труда и издеваться над собой не позволит; а сосед его – спекулянт кроликами – уже не первый год по чуть-чуть захватывает землю его огорода, а комендантша – женщина «заграничного морального облика» – чешскую стенку купила, а откуда, спрашивается, деньги?..

Ясно, конечно, что жалоба эта – полный бред. Но оставлять ее без проверки, ответа или «принятия мер» мы не име-

ем права, и разобраться в этом деле Маргаритища (так мы за глаза зовем нашу редакторшу) поручила Портфелии.

– А ты днем сходи, – нагло посоветовал я, чтобы отвертеться от роли сопровождающего.

– Здравствуйте, а сейчас я откуда пришла? С вахтером-то я поговорила, теперь снова идти нужно. Ну, давай вместе, а?

– Матушка, ты непоследовательна. Ты ведь только что констатировала, что я не соответствую твоим представлениям о «настоящем мужчине» А провожатым в ночном вояже «настоящей» девушки может быть мужчина только соответственный.

– На безрыбье, знаешь... Уж какой есть. Хотя бы так, для устрашения. Хочешь, я тебе популярно объясню, почему именно ты особенно хорошо подходишь для устрашения? Хочешь?

– Нет-нет, не стоит. Согласен идти хоть в морг. Репортаж из морга... Ну а что тебе твой сторож сказал?

– А, – пренебрежительно махнула она рукой, – ерунду несет какую-то. Уверяет, что Заплатин по ночам делает какие-то «незаконные операции».

– Криминальные аборт, что ли?

– Как я поняла, его не столько операции эти возмущают, сколько что-то другое, чего он и объяснить-то толком не может.

– А все-таки?

– Черт его разберет. «Издуются они надо мной», – гово-

рит, а как» издиются» не ясно.

– Может, ты зря с ним связалась? Может, он – ненормальный?

– Естественно, ненормальный. Но куда я денусь-то? Ну, давай сходим, а, – она состроила такую жалобную гримаску, что я не удержался от смеха.

– Да сходим, сходим, я же сказал уже. Только мне не понятно для чего.

– Для Маргаритищи.

– Ну, разве что... Я вечером к другу собрался зайти – в «Лукоморье», давай там и встретимся ближе к закрытию. Часов в девять.

Моментально носик ее поднялся вверх, и она сообщила:

– Сто лет не была в кабаке!

– Уж не возомнила ли ты, что я приглашаю тебя в ресторан? Просто мне неохота менять по твоей милости свои планы на вечер.

Она насупилась:

– Ты истинный джентльмен.

Это я, вообще-то, зря. С ней и в кабаке не стыдно показаться. К тому же, если Джон выполнил обещание, будет даже интересно сходить с ней. Так сказать, первое испытание.

– Ну, извини, Леля. Это я неудачно пошутил.

Я принялся собирать со стола грязную посуду. «Да, – подумалось мне, – Джона теперь почаще навещать надо». И я вспомнил тот мрачный день.

... Дверь была незапертой. Значит, нет дома Светланы. Когда ее нет, Джон не запирает дверь ни днем не ночью, даже когда куда-нибудь уходит. Воровать у них нечего. Хотя нет. Книги. Одна из четырех стен их «квартиры» занята «дефицитом» от Пастернака до Маркеса. Посмотрев на Джона, а тем паче послушав его, трудно поверить, что он не только читал все это, но и очень любит. Тем не менее, это так. А на столе – вечная пирамида грязной посуды.

Джон, сложив ноги по-турецки, сидел на диване и смотрел на меня так, словно уже не один час глядит так на дверь в ожидании чьего-либо появления. Скорее всего, так оно и есть.

– Был дождь? – спросил он вместо приветствия.

– Нет границ твоей проницательности. – Я был мокр, как ондатра.

– Значит, я спал.

– Вот вам и дедукция, и индукция...

– Все-таки свинья же я, – сказал Джон, без всякой связи с моими словами.

– Не смею спорить, – ответил я. – А Светка где?

– У матери. У моей. Помогает. Деда Слава умер.

Вот тебе и раз. Охоту острить разом отшибло. Я сел на диван. С Джоном мы с самого детства знакомы. В одном дворе росли. Отца у него не было, мать на работе круглые сутки пропадала – фактически одна в семье кормилица, – а воспи-

тывал его, в основном, дед. И меня отчасти.

Деда Слава тоже работал. Но работал он у нас в школе – учителем зоологии и ботаники. Его комнатуха, примыкавшая к кабинету, была вопиюще интересным местом, и мы пропадали там целыми днями. Там росли маленькие пальмы и огромные, с руку величиной, огурцы. В клетках гуттаперчевыми мячиками катались белые мышки, и убегали от собственных хвостов стройные ящерицы. В сетчатом террариуме, по-гафтовски поглядывая на нас, ползали змеи...

Были там и вовсе удивительные экземпляры. Например, семейство волосатых лягушек, которое жило в укрытой сеткой из камыша жестяной ванне, или наша любимица – крыса с двумя хвостами (мы так и звали ее – «двуххвостка»)...

– Главное, больше года его не видел. Собираюсь все, а не захожу. – Джон принялся грызть ногти. – Работа, работа... Совсем озверел.

Я дотянулся до пачки «Родопи» и закурил. Сказать мне было нечего. О его работе у меня особое мнение, но сейчас об этом не стоит.

Любите вы рассуждать. «Дети – наше продолжение...» – Под таким пренебрежительным «вы» Джон, как правило, подразумевает всю пишущую братию. – Чепуха. Нет продолжения. По идее, я – деда продолжение. А я не чувствую. Нет его во мне. И тем жутче. Умер он. Совсем, понимаешь. Без продолжения. А мне стыдно было. Даже не стыдно, а... – Он подыскивал точное выражение. – Неприятно. Я ж – «несбыв-

шаяся надежда». Он же во мне Рихтера видел, как минимум...

Джон – музыкант. Клавишник в ресторане «Лукоморье».

– А я его месяца два назад встречал, – вспомнил я. – Он прекрасно выглядел. Бодрый такой, веселый старикан.

– Точно. После операции я его не узнавал. Как будто родился заново. Тогда я его и видел в последний раз.

Полтора года назад дед лежал в клинике института нейрохирургии. Моего института. Что-то у него было с головой.

Затушив сигарету, Джон сказал:

– Знаешь что. В кресло сядь. Полежать хочу.

– Да я, наверное, пойду, – заторопился я. Джон промолчал и лег. Значит, я правильно понял: он хочет побыть один. Я натянул мокрую рубашку.

– Зачем заходил-то? – спросил он, не открывая глаз.

– Просто, хотел историю одну рассказать. На работе штука одна приключилась. Потом расскажу. Привет.

– Привет, – буркнул он и повернулся на бок лицом к стене.

... Ну вот мы с Лелей и в ресторане.

Песня кончилась, и Джон (совсем другой, оживший Джон), выбравшись из-за «Крумара», подсел за наш столик. Я всегда с удовольствием наблюдаю за тем, как он смотрит на женщин. Если на пути его взгляда поставить сто-ваттную лампочку, уверен, она вспыхнет, а возможно даже и перегорит. Но сегодня он превзошел себя: когда он гля-

нул на мою спутницу (надо отметить, что перед «выходом в свет» Портфелия более чем тщательно поработала над своей внешностью – макияж, прическа «Взрыв на макаронной фабрике», почти полное отсутствие кожаной юбочки), у него даже челюсть отвалилась, а Портфелия инстинктивно потрогала верхнюю пуговичку кофточки, проверяя, не расстегнулась ли та.

– Офелия, – представил я.

– Точно, – простонал Джон.

– А это – Евгений Степанович...

– Можно просто: Джон, – уточнил он.

– Очень приятно, – потупила глазки Портфелия.

– Принес? – перешел я к делу.

– Да, ничего, – ответил Джон на какой-то другой, услышавшийся ему вопрос и закивал, не отрывая глаз от Портфелии. – Пока нормально.

Я хорошенько саданул его ногой под столиком, он подпрыгнул и, очнувшись, уставился на меня:

– Чего тебе?

– Принес, спрашиваю?

– Ну.

– Господи, ты, боже мой! Что – «ну»?

– «Ну» – значит, принес.

– Покажь.

Джон быстро смотался к низенькой эстраде и приволок оттуда дипломат. Из дипломата он извлек белую пенопласто-

вую коробочку, открыл ее и вынул обещанное – японский, величиной с мыльницу диктофон «SANYO».

– Прелесть какая, – прошелестела Портфелия, трогая блестящую поверхность корпуса. Джон нажал одну из боковых клавишей.

– Сколько? – спросил я.

– Как договаривались – триста двадцать.

– Давай проверим, что ли.

– Джон пошевелил пальцами, а соответственно и клавишами под ними, и из-под его руки раздался мой сдавленный (а мне-то казалось, я спрашиваю небрежно) голос: «Сколько?» Джона: «Как договаривались – триста двадцать». Слова мой: «Давай проверим, что ли». Джон щелкнул клавишей «стоп».

– Порядок, – сказал я, вытаскивая из внутреннего кармана приготовленную пачку денег, – пересчитай.

– Неужели купишь? – сделала большие глаза Портфелия. Я хотел отшутиться, сказать что-нибудь такое, что сбило бы торжественность ее тона и еще более возвысило бы скромного меня, но персональный пижон, таящийся в каждом из нас, опередил меня:

– Ну конечно, Леля. В нашей работе – вещь незаменимая. На стороже твоём сейчас и испробуем.

– Да-а, – протянул Джон, добравшись до последней купюры, – «трудовая копейка». Бывает, считаешь, червончик к червончику льнет, да похрустывает. А тут – больше тройка

бумажки нет. И те – как портянки.

Меня заело:

– Мы, понимаешь, Джон, лопатой деньги не гребем. Как некоторые.

– Что ли, как я? Когда это было?.. – скорчил он мину. – Нынче-то – дела безалкогольные. Это раньше «товарищ с Востока» шлеп об сцену четвертаком: «Генацвале, – дурачась, Джон произнес эту фразу с акцентом, – скажи, чтобы все слышали: эта песня – от Гиви. Для прекрасной блондинки за соседним столиком...» И так – раз пятнадцать за вечер.

– А сейчас? – участливо поинтересовалась Портфелия.

– А-а, – горестно махнул рукой Джон. – Сейчас для прекрасной блондинки им и рубля жалко. На зарплату живем. А она у нас... Но не это даже главное. Раньше – на работу, как на праздник. Придешь, люди – хмурые, одинокие. А к концу – веселые все, парами расходятся. Сердце радуется. А теперь? Как сычи. Только смотрят друг на друга. Суп жрут.

Портфелия огляделась и прыснула, прикрывшись ладошкой:

– Точно, суп!

Джон явно забавлял ее, и она огорчилась, когда перерыв кончился, и его позвали на эстраду.

– Пойдем, – поднялся я.

– Толик, миленький. Давай посидим еще, послушаем. Все равно же скоро закрывать будут. А спешить нам некуда. Ну?..

– Ладно, – согласился я, – тогда пойдем танцевать.

Джон опять подсел к нам.

– Все. Окончен бал. Пусть в тишине посидят.

– Нравится мне твоя работа, – усмехнулся я.

– Мне и самому, – не заметил он иронии.

– А жена вас не ревнует? – игриво спросила Портфелия. –

Вас каждый день так поздно нет дома. А здесь столько женщин, и каждая старается быть красивой. Ведь так?

– Меня нельзя ревновать. Потому что я очень честный.

Портфелия прыснула снова.

– Нам пора, – напомнил я больше даже не от необходимости, а из ревности. Уж я-то знал, какой Джон честный.

– А куда вы?

– Какая бестактность, – деланно возмутился я, – особенно по отношению к девушке. Я всегда подозревал, что ты – толстокожая скотина.

– Да я только... – начал было он оправдываться, но я перебил его:

– Если серьезно, можешь себе представить, мы «идем на сенсацию». Как на медведя ходят. Ночное задание. Детектив. В традициях западной прессы, – я насмешливо покосился в сторону Портфелии. – «Подвиг вахтера» или «Подпольный синдикат профессора Заплатаина». Каково, а?

– Не паясничай, – вскинулась она, – я и сама не хочу идти, но ведь съест Маргаритища.

– Заплатин? – не слушая ее, переспросил Джон, как-то

странно поглядывая на нас. – Погодите-ка, – пошарив по карманам, он достал бумажник, извлек из него сложенный вчетверо листик в клеточку, развернул, пробежал глазами и подал мне. – Взгляни.

Записка была написана очень аккуратно, словно каждую букровку вырисовывали отдельно:

«Женя. Не пытайся понять причину моей смерти, вряд ли тебе это удастся. Знай только, что она – во мне самом. Я ни о чем не жалею и никого не виню. Ничего тебе не завещаю и ни о чем не прошу. Только постарайся запомнить вот что: если будет тебе совсем худо, так худо, что впору лезть в петлю, повремни с этим. Обратись к профессору Заплатину. Прощай.

Любящий тебя Деда Слава.»

– Странно, – подумал я вслух, возвращая записку. – С Заплатиным-то ясно: он твоего деда оперировал, я помню, был об этом как-то разговор. Видно, сдружились. Они же почти одного возраста. Но все равно, странная записка.

– Я не говорил, как он умер. Никому не говорил. Ни к чему это было, – Джон замолчал в нерешительности, но после паузы все-таки продолжил. – Его в кресле нашли. За столом. На столе – записка. Написал ее и умер. От удушья. Экспертиза показала.

– Газ?

– Нет. И следов насилия нет. Доктор сказал – похоже, старик просто перестал дышать.

Над столиком зависла тишина.

– Кошмар какой-то, – не выдержала Портфелия. – Мальчишки, о чем вы? Какая экспертиза? Какой дед?

– Мой дед, сказал Джон; а у меня в голове совсем некстати выплыл дурацкий анекдот: «Шел ежик по лесу. Забыл как дышать... и умер».

– Я с вами пойду, – решительно заявил Джон.

– Айда. Только вряд ли мы там что-нибудь интересное увидим.

– Пойдем скорее. – Джон нетерпеливо вскочил. Джон есть Джон: или хандрит, неделями находясь в полусонном состоянии, или носится, как угорелый, дрожа от возбуждения.

... К институту решили идти пешком, так как для «ночных незаконных операций» было все-таки слишком рано. На улице, как и всю неделю, было сыро, чуть-чуть моросил дождик. Я открыл зонтик, и мы попытались втиснуться под него. Но по-настоящему это удалось только Портфелии, так как она была в серединке. Мы с Джоном держали ее под руки и всю дорогу молчали, а она, напротив, болтала непрерывно. И о том, какая ужасная выдалась погода, и о том, какой, вообще, ужасный климат в наших краях, и о том, какая Маргаритище зверь, и о том, что быть начальником – дело неженское (им это противопоказано; а равноправия они не для того добивались, чтобы делать то, что им противопоказано), и о том, как она попала в нашу дурацкую газету...

Все это, или почти все, было чистейшей воды враньем

и сплошным кокетством. Только для Джона. Ведь она прекрасно знает, что я прекрасно знаю, как она, завалив во второй раз вступительные экзамены, умоляла Маргаритищу принять ее на работу «по призванию». Но, как бы там ни было, своей болтовней она добилась главного: Джон отвлекся от своих тяжелых мыслей, закурил и вновь стал поглядывать на нее с интересом.

Она притихла лишь тогда, когда мы миновали ворота институтской рощи, войдя в ее мокрую тьму, и двинулись мимо анатомического корпуса. Где-то неподалеку взвыла собака. Взвыла с такой ясно ощутимой тоской, что казалось, не собака это воет, а человек пытается подражать собаке. Портфелия еще крепче прижалась к нам.

И вот мы в нерешительности стоим перед дверью операционной.

– Ой, мальчики, пойдете отсюда, а?..

Мы молча повернулись и, не глядя друг на друга, побрели по коридору к лестнице; мы чувствовали себя группой круглых идиотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.